

Хамид Исмаилов

ПАВШИЕ ЖИЗНЬЮ ХРАБРЫХ

Повесть

Перевод с узбекского Рано Азимовой и Вадима Муратханова

Во имя Бога Милостивого, Милосердного!

1

Вечерами после прогулок в одиночестве он возвращался в опустевшую квартиру, ставил в угол палку и, волоча непослушные ноги, направлялся наверх, в свою комнату. Тяжело скрипела то ли лестница, то ли его старческие кости, в голове вертелся неподвластный даже мельничным жерновам вопрос: “Что же это происходит?” Он спускался на кухню, нет, не в поисках ответа, а ради некоего успокоения; озирался по сторонам, но, не имея желания даже вскипятить чай, переходил в большую комнату, где также не находил себе места, и отправлялся в ванную. Наскоро умывшись, он шел в свою спальню и, не раздеваясь, валился на кровать. Вот так, лежа неподвижно, будто затаившись, он всем своим существом, казалось, следил за медленным течением времени.

2

В молодости человека отвлекают даже никчемные, зряшные занятия. Он может смотреть телевизор, слушать радио, читать книгу, в крайнем случае — окунуться в похотливые думишки. В старости же не хватает сил даже вспоминать об этих увлечениях.

Ночью, часа в два-три, он поднимался с постели и шел в туалет. Сидя на унитазе, он следил, как капает из крана вода, прислушивался к редким звукам, доносящимся с улицы. Нутро — как опустевший винный чан... Капли из крана тренькают по мойке. Навостренные уши в надежде уловить из бесконечной тишины хоть какой-то звук перелагают на разные лады капанье воды.

3

Строка Хафиза “Любовь казалась легкой сперва, затем встали препятствия...” наверняка отражает взгляд молодых.

Жизнь впоследствии усложняется. Что бы ни почувствовало твое тело — все отражается в голове. Уже не хватает сил на бесконечные раздумья. Ничто больше не увлекает, никакого интереса оглядываться по сторонам. Даже вздохнуть становится тяжело.

4

Махсума предали земле ровно два месяца назад. Но оказывается, в старости два месяца — срок длинный. Миг, сравнимый с целой жизнью. Старость нельзя назвать счастливой порой. Да и может ли она быть счастливой?! Пусть даже тебя не передергивает от твоего прошлого, и все же ты чувствуешь в душе какое-то недовольство, неудовлетворенность чем-то.

Наступает день, когда жизненный путь любого человека подходит к концу.

Махсум до самого последнего своего дня твердил о бренности этого мира. Казалось, он давно смирился с судьбой, однако покидать этот мир ему все равно не хотелось, об этом говорили его глаза, полные печали.

5

Почти пять последних лет он прожил с Махсумом под одной крышей. Судьба их соединила после отъезда детей за границу. Раньше между ними были отношения, подобающие сватам, соответствующий этим отношениям этикет. Но, видно, настали времена, когда традиции ушли в прошлое. Одну квартиру дети продали, в другую засунули обоих стариков и умчались в поисках лучшей жизни в чужую страну. Вначале старики не могли найти общий язык, никак не уживались. Корни этой несовместимости были глубоки — они восходили к дням сватовства. То есть к тем временам, когда дочь Марлена Клара на каких-то посиделках встретила сына Махсума Абдуманнаба и полюбила его. Холод в их отношениях воцарился с момента, как она безапелляционно заявила, что выйдет за этого парня замуж. Марлен пытался уговорить ее, мол, “доченька, елочка к елочке, палочка к палочке, а он к тебе с какого боку?!”. Но Клара была непреклонна и глуха к его веским доводам. В конце концов все закончилось свадьбой. Но до этого округу облетел слух, что дочь коммуниста выходит замуж за сына муллы. Марлену Саидваккасовичу нелегко было вынести такой позор. Он даже собрался по-отцовски проклясть свою дочь. Но дочка бровью не повела, сказала: “Отцовское проклятье, папочка, религиозный пережиток— старозаветный обряд!”

6

А после свадьбы он даже собрался судиться. Но с кем судиться-то, с родной дочерью, что ли? Заявить, что сваты использовали магическую силу, коммунисту было не к лицу, да и опасно — не дай бог самого обвинят в приверженности к религии. Марлен выпустил весь свой пар, отматерив на “патриархальный” манер жену. Жена было собралась пожаловаться в партком, напомнив тем самым о своем равноправии, но, пожалев переживавшего мужа, раздумала. Опустив голову, выстояла.

Жена-жена, да благословит ее Аллах! Со следующей, неродной, он прожил без трех месяцев четыре года, но разве сравнишь ее с первой... Говорят, неродной жены не бывает. Где уж там! Еще как бывает.

7

Мысли его, путаясь, все время возвращались к Махсуму.

Однажды в полутемной комнатенке двухэтажной квартиры, доставшейся в “наследство” от детей, он был занят перерисовыванием со старой пожелтевшей газеты портрета нынешнего “отца народа”. Махсум, не позвонив в дверь, открыл ее своим ключом и, мягко ступая ичигами, незаметно, как ангел, подошел сзади к Марлену и воззрился на его занятие. Марлен Саидваккасович, встrepенувшись, оглянулся — Махсум?! Тот смущенно стал что-то тихо бормотать. Марлен до этого никогда не бранился с ним. Всегда был занят самим собой. Но на этот раз это тихое бормотание вывело его из себя, и он выругался. Махсум молча поднялся в свою комнату. Ночью он спустился для омовения перед молитвой. Сон Марлена был нарушен, и он опять обозлился.

8

И вот теперь он остался один. Из крана по-прежнему капает вода. Встать с места и закрыть нет ни сил, ни желания. Интересно, где сейчас его внуки, говорящие вперемежку по-английски и по-русски? Старший смахивает на мать. Однажды, когда он спросил по телефону: “Что ты делаешь, сынок?” — тот ответил: “Читаю, папа заставил”. — “Что за книга? Интересная?” — “Не знаю, но стоит семь долларов”, — сказал пострел.

9

Этот сорванец с младенчества был себе на уме. Лет пять-шесть назад, когда Марлен Саидваккасович не ушел еще на пенсию, у него была служебная машина, белая ГАЗ-31. Как-то раз утром он позвонил дочке. Трубку поднял внук. “Эй, ты почему до сих пор не в садике?” — “А я жду машину”. — “Зачем тебе машина, ведь садик рядом?!” — “Ваша работа тоже рядом...” — “Да знаешь ли ты, кто я? Я — партийный руководитель!” — “Ну и что? А я — внук партийного руководителя!”

Марлен Саидваккасович пробурчал тогда что-то невнятное, не найдя, что ответить.

10

Махсум больше других баловал своего младшего внука, напевно читавшего газели и некоторые суры Корана. После совершения детьми “хиджры” — переселения за границу — он еще долгое время приносил сладости из мечети, за что Марлен пару раз рассеянно упрекнул Махсума. Тот не обижался, а лишь, потирая всегда влажные глаза, краснел и улыбался.

11

У Махсума были странные привычки. Иногда он ударялся в перечисление своих предков, восходивших по родословной к святым сайидам, порой начинал презрительно рассуждать о выходе из этого рода, своем двоюродном брате Солихане-тура. “Не знаю, правильно ли я сделал, — начинал свой разговор бедолага, — на днях он велел мне справиться у вас, скоро ли возвращается мой сын Абдуманнаб из Америки, говорит, дело к нему есть. Так я сделал вид, будто отправился к вам, а сам завернул в чайхану на Чорсу, целый день просидел там за разговорами с этими бездельниками, а вечером пошел к нему и сказал, что еще не скоро приедет”. Такой простоте не знаешь, то ли смеяться, то ли думать, что лукавит.

12

С этим своим двоюродным братом Махсум познакомил и Марлена. Богатырского сложения, обладатель огромных усов — перед Солиханом-тура раскланивался всяк. “Эй, чего ходишь петухом? У меня х... с тебя ростом, ё...у по шапке — и ляжешь, ишь пялится!” — сказал он раз на базаре наводящему порядок милиционеру.

13

“Перестаньте, не говорите мне больше об этих своих муллах! — презрительно махал он

рукой на Махсума. — Эти ваши пьяницы, взяв у меня ключ от пустой квартиры, е...т там девок”. Услышав такой приговор родственника, Махсум заливался краской стыда перед сватом. К тому же его охватывало смущение за духовенство, недавно обретшее некоторую поддержку и несколько разбалованное этим.

14

Даже Солихан-тура, бросавший в казан для миски наваристого бульона чуть ли не целого барана, ничего не смог унести с собой в мир иной. Совершенно здоровый человек в одночасье грузно свалился с ног и лишился дара речи. Где уж там былая прыть! Через два дня отдал богу душу. И семь золотых халатов, в которых он любил щеголять перед гостями, и лисья шапка некоего курбаши, считавшаяся реликвией, достались его племянникам и назойливым прислужникам.

Махсум рассказывал: “Он мне говорил: „Скажите своему Абдуманнабу, пусть найдет там, за границей, первоклассного режиссера, я надену свою шапку, накину на плечи лисью шубу и сыграю ему курбаши! Голосом мне подсобит Наби, скажем — конфетку сделает!””

Теперь вот и народный артист Союза Наби Рахимов покинул этот мир...

15

Нет теперь и самого Махсума, сказавшего эти слова... Проститься с ним не приехали ни сын из-за границы, ни родственники родовитые. Кто очень постарался, успел к сороковинам. Хорошо, что в соседних домах проживают несколько пенсионеров, хоть и от имени махалли, но собрались, подставили плечи под носилки. А ведь на самом деле сплотил этих стариков в махаллю сам Махсум. Он и Марлена будил до рассвета, нарушая его покой: “В Сакичмане дают плов, надо съездить”. Затем они вдвоем обходили дома, созывая этих стариков, чем накликали на себя брань и недовольство русских и корейцев, и ехали в такую рань в этот проклятый Сакичман, расположенный черт-те где! Нет теперь того, кто объединял их в махаллю. Марлен им в головы не годится.

16

Марлен вспоминал долгие зимние вечера, проведенные с Махсумом. Когда не работало отопление и не подавали горячую воду, они зажигали все четыре конфорки газовой плиты и сидели, любуясь голубыми отсветами пламени. Спор у них возникал на любую тему.

В один из вечеров разговор коснулся имен, и Марлен, защищая свое имя, начал рассказывать об отце. Отца призвали на фронт, и он пропал без вести на подступах к Харькову. В похоронке, присланной с фронта, подробно описывался героизм и самоотверженность Саидваккаса, вступившего в бой в первых рядах бойцов за Родину. Впоследствии председатель сельсовета Ашурмат, вернувшийся с войны покалеченный, сказал: “Наверное, погиб в танковом бою и в массовом порядке похоронен в братской могиле”. Саидасрора Саидваккасова, отданного под впечатлением героизма отца в Суворовское училище, нарекли новым именем Марлен — от первых слогов имен пролетарских вождей.

17

В тот вечер, когда завязался разговор о войне, Махсум рассказал, как его самого отправили

на войну в семнадцать лет в числе добровольцев, приписав к возрасту несколько лет, а там послали шофером на Ленинградский фронт. Расспросив, Марлен выяснил, что он шоферил на льду Ладожского озера, прозванного “Дорогой жизни”. После езды без продыха в течение двух месяцев Махсум выбился из сил и однажды заснул за рулем. Машина одним колесом попадает в полынью и упирается носом в лед. Бог милует на этот раз. Ящики же, прикрепленные канатом к борту, уходят под воду. Машину на буксире кое-как оттаскивают на дорогу, однако Махсума, причислив к “врагам народа”, собираются сослать в Сибирь, но в дело вмешивается командир, и он попадает в штрафную роту.

Что было дальше, Махсум никогда не рассказывал...

18

Марлен тоже не делился своей тайной.

Года через два после войны неизвестно откуда вернулись “пропавшие без вести” пять-шесть односельчан. НКВД все равно не дал им покоя — многих из них приговорили к двадцати пяти годам лишения свободы. Среди вернувшихся был некий Касымкори — образованный по тем временам человек, — почему-то его не тронули. Более того, он стал ревизором райбанка и не давал житья многим сельчанам. Однажды Касымкори пригласил Марлена к себе в дом и, когда начало смеркаться, вывел его в сад и, будто показывает молодые деревца, под страшным секретом сообщил, что отец его Саидваккас жив, что после роспуска Туркестанского легиона эмигрировал в Турцию.

19

Начинавшего свою служебную деятельность в милиции Марлена многие годы мучила эта тайна. Сначала он принял это за навет. На всякий случай даже продумал, как от этого избавиться. Однако Касымкори вел себя как ни в чем не бывало. Марлен же стал наводить справки о нем. Когда он через родственника, работавшего в областном НКВД, сделал запрос в центре, то пришел ответ, что Касымкори числится в списках погибших. Так служивший имамом в Туркестанском легионе Касымкори “нашел покой” среди павших за Родину. Но Марлен об этом не сообщил ни одной живой душе — между ними стоял живой отец.

Но вот ревизор райбанка вышел на пенсию, дожил свои года и лет двадцать тому назад тоже покинул этот мир. А начавший рядом с ним движение по служебной лестнице “сын героя войны” Марлен, подобно молодым росткам в его саду, набирал силу.

20

Он ненадолго заснул в безветренной ночи, и ему приснился кошмарный сон. Явившийся невесть откуда на “виллисе” Касымкори говорит: “Идемте вон туда, я там что-то увидел, не пойму: то ли дух, то ли нечистая сила”. — “Да бросьте вы! Неужели все еще носитесь с отцовскими предрассудками!” — отвечает Марлен. Касымкори везет Марлена в указанную сторону, останавливает машину и, бросив: “Сейчас приду”, — исчезает. В машине горит свет, оставшийся один Марлен оглядывается по сторонам и недовольно произносит: “В жизни не видел нечистую силу, болтают тут разное...” И в этот момент, когда он мысленно спорит с Касымкори, с правой стороны к нему подбирается белая рука. Но где взять силы и решительности оглянуться, чтобы узнать, откуда тянется эта рука! Завороженный вьющейся, как лебединая шея, рукой с клеймом, похожим на тюремный знак, Марлен слышит

под ухом шепот: “Гаси свет”. Марлен в тот же миг начинает торопливо произносить слова из молитвы: “Ла илаха иллалах... Ло ховлу иллаха...”

А рука обвивается вокруг его шеи. Он испуганно обеими руками хватается за нее. “Какую же мне еще молитву прочитать?” — думает он и начинает сбивчиво читать другую молитву, но божественные слова не действуют на эту руку — она не исчезает. Он мечется, задыхается, выбивается из сил, отталкивая в сторону ветрового стекла мягкую как тесто руку, но бесполезно...

21

Даже проснувшись, он не мог преодолеть свой ужас. Встал, умылся. Вспомнив поверье, что страшные сны сначала следует рассказать бегущей воде, стал, пристально глядя в шумно спускающуюся с крана струю, мысленно вразброд повторять увиденное. Он сполоснул пересохший рот. Чтобы рассеять свой страх, стал искать, чем бы ему заняться.

22

Как-то раз Махсум, возвратившись то ли с базара, то ли из мечети, сказал: “Вы слышали, говорят, со следующего года плата за кабельное телевидение будет совсем дешевой. Может, подпишемся?” Марлен возмущенно произносит: “Ну что вы за человек, телевизор-то не на что починить, а вы о кабельной антенне размечтались?!” — “Так я из-за того, что она подешевела”, — только и сказал Махсум, пожав плечами. Не знаешь — не то смеяться, не то плакать.

23

В последние годы им обоим жилось несладко. Если бы не сто-двести долларов, время от времени присылаемые детьми с оказией, то они бы сидели на сухарях. Иногда приходилось даже вместо заварки использовать остатки вчерашнего чая. В такие дни они вспоминали свое голодное детство. “А как перебиваются остальные?” — спрашивали они друг друга.

24

Рука старухи, роющей в мусорном ящике, в предрассветной мари тоже казалась белой. Марлен разглядел еще брови, наведенные сурьмой, и три некрасивые точки на запястье — след от чернил, наносимых иглой под кожу, — украшение, свойственное сайрамским женщинам.

Однажды Марлен возвращался из поликлиники и увидел три апельсина, валявшихся возле мусорного ящика за домом. Привычка бережно относиться к еде заставила его нагнуться и подобрать их, в то же мгновение он почувствовал такой смрад, несущийся из мусорного ящика, что даже несколько опешил. От позора он не знал, куда себя деть, в растерянности оглянулся по сторонам. И все же принес домой эти три апельсина. Но до сих пор он не решался их съесть: казалось, не пройдет в горло. Три апельсина, как желтое трюеточие, все так же лежали на подоконнике.

25

“Мы свернули с пути истины, — говорил Махсум, — вот почему на нас снизошли эти испытания”. В такие минуты Марлен, выходя из себя, пускался в спор: “А как вы жили до

революции, когда шли по этому пути?! А вон посмотрите, что происходит с афганцами, не свернувшими с пути истины!” Махсум в большинстве случаев не встречал в спор, пожимал только плечами: “Да я так, к слову”. Но однажды не выдержал и взбунтовался: “И что хорошего в этом Западе, который вы так хвалите?” — “Я не Запад хвалил, а имел в виду нашу старую жизнь!” — еще больше распалился Марлен. Их взгляды невольно остановились на портрете “отца народа”, стоявшем на полке, и оба замолчали.

26

Марлен выходил из себя не зря. Дело в том, что отец Махсума был некогда начальником районной милиции. Хотя сам Махсум об этом ничего не говорил, но Марлен в свое время навел справки в соответствующих местах и еще до свадьбы дочери все знал. Думал, что со временем Махсум сам все расскажет. Однако он не проронил ни слова даже тогда, когда они поселились вместе. Он почему-то ни за что не хотел рассказывать о том, что отец боролся за установление советской власти и был отравлен врагами народа, что пионер Махсумбай впоследствии воспитывался на руках тетиного мужа — знатока Корана и до того, как забрали на фронт, успел выучить несколько сур.

27

Впрочем, что обижаться на Махсума, ведь он и сам нигде ни словом не обмолвился о своем отце, боровшемся в рядах фашистов против большевиков за освобождение Туркестана?! Ладно бы только это. Это-то ни за что не разоблачишь, хоть работай в рядах милиции. Потому что один-единственный свидетель Касымкори — и тот уже покоится вместе со своей тайной глубоко под землей. Душу Марлена втихую терзал другой вопрос... Почему Махсума удовлетворяет их нынешнее собачье существование? И не только удовлетворяет, а прямо-таки вызывает в нем гордость. Молодежь, ходившая к Махсуму для освоения Корана, готова была вспыхнуть, как спички. Ей невозможно было втолковать что-либо, они считались только со своим мнением. Он часами спорил с этими сосунками, пытаясь разъяснить преимущества старого строя.

28

Будущие блюстители ислама, шепча в коридоре, кто — “лицемер”, кто — “жертва периода”, а кто и сочувственно — “бедняга”, неслышно надевали калоши и удалялись. Марлен потом обижался на Махсума. “Вы больше не пускайте их в дом! Что вы! — произносил он по-русски. — Это же настоящие экстремисты, радикальные фундаменталисты!” Так набрасывался он на свата. Сват же в смущении начинал мыть пиалы, из которых пили его ученики, или мести коридор. Марлен в сердцах махал на него рукой и уходил в свою комнату, где принимался за чтение принесенной вчера из библиотеки брошюры “Ислам: правда и вымысел”, собираясь нанести этим сосункам последний удар.

29

Махсум же, моя посуду или подметая коридор либо лестницу, вспоминал неожиданные реплики двоюродного брата Солихана-тура. “Эй, сват-то ваш из религиозной семьи происходит, отец его в детстве заставлял заучивать божественные суры Корана”, — сказал он раз,

вернувшись из Турции. Правда, он тут же переключился на другую тему, заморочив ему голову десятью килограммами меда и восемью биноклями, повезенными в Турцию. “На вырученные за них деньги я купил вот этот золотой перстень”, — демонстрировал он свою драгоценность, надетую на безымянный палец с ножку ребенка.

30

Расспросить подробности у свата Махсум стеснялся. Откуда тогда ему было знать, что скрывшийся у себя в комнате Марлен вспоминал о матери Махсума Рахима-опа! О ней он также навел справки в период сватовства, когда начались взаимные визиты, подобающие знакомству семей и установлению родственных отношений. В доме Махсума на глаза попадалась странная старушка. Стоило завидеть ее чужому, как жена Махсума или кто-либо другой из их семейства уводили старуху подальше от гостей. В тридцатые годы эта женщина, похоронив мужа-милиционера, оставив в кишлаке сына, уезжает в город, где устраивается работать на текстильный комбинат, а по вечерам учится в ФЗУ, повышает свой политический уровень и выбивается в ряды передовых людей своего времени. Во время войны мужчин забирают на фронт. Выдвигается лозунг “Все для фронта, все для победы!”. Ставшая партийным руководителем Рахима-опа занимается тем, что гоняет женщин на работу...

31

Пути людские неисповедимы.

Марлен, услышавший, что мать его в кишлаке осталась одна без присмотра и перебивается тем, что время от времени читает Коран на женских посиделках, не находит себе места. Он тут же перевозит мать в город и поселяет в своей квартире, отдав под присмотр дочки — Клары. Студентка Клара, подражавшая во всем молодогвардейке Ульяне Громовой, разговаривала с кишлачной бабушкой только по-русски, очевидно считая ее за прислугу. Она специально приводила подруг, чтобы подразнить ее. Подмигнув им, она говорила: “Бабушка, посмотри, вода на плите согрелась?” Отставшая от цивилизации бабушка доверчиво совала палец в кипяток и, ойкнув, подносила ко рту. Клара начинала весело и громко хохотать, а смущенная бабушка, завернув палец в полотенце, печально смотрела на девиц. “Ты хоть мыла руки?” — спрашивала Клара, перестав хохотать. И бедная старуха, виновато склонив голову, повторяла с акцентом незнакомые ей слова, заученные накануне: “Мулён рас мила, мулён рас...” Комнату вновь потрясал неистовый хохот.

32

Интересно, который час?

33

Один из десяти дней и в молодости проходит без сна. Не оттого, что безответно влюблен или проводишь страстную ночь, а просто потому, что не идет сон, и ты переворачиваешься с одного бока на другой. Мысль, катясь, как клубок, по разным закоулкам, упирается в конце концов в прикрытое фиговым листком проклятое хозяйство. Эта тема еженощно не теряла актуальности и в Суворовском училище. Накануне экзаменов командир взвода Фомченко предупреждал: “Мужики, о п...е ни слова, перед экзаменами надо выспаться!” Предупреждение

было уместным. Потому что взвод напоминал осиное гнездо, состоящее из трутней, и не переставал жужжать допоздна, обсуждая на разный лад известное хозяйство, отчего двадцать восемь отчаянных голов возбуждались и готовы были порвать удила, как жеребцы, увидевшие кобылку. То ли это наследие Адама, то ли такова природа мужчины, но причина бессонных ночей заключалась тогда в этом.

34

А вот теперь, похоже, даже на эти дурацкие мысли не хватает сил. И вроде бы, думается, слава богу, избавился от греховных искушений, пора устремиться к чистоте помыслов, однако нечто похожее на неисполненную мечту все еще щекочет-таки душу.

Однажды в прошлом, когда Марлен отдыхал на Темиртаге, ему позвонила дочка и на вопрос: “Что случилось?” — ответила: “Вот, бабка вам хочет что-то сказать”, — передала ей трубку. После обычных вопросов о жите-бытье и здоровье мать говорит: “Сынок, как ты и велел, я показала врачу, он прописал мне одно лекарство, называется АТИВИ. Может, пришлешь мне его?” Марлен Саидваккасович поднимает на ноги всех своих знакомых в окрестности Темиртага и Бештага. Они наконец достают это дефицитное импортное лекарство “АТИВИТ” и отдают ему, почему-то загадочно улыбаясь. Очевидно, он не предупредил их, что это “для мамы”. Про себя удивившись, Марлен благодарит их. В тот же день ближайшим рейсом лекарство доставляется через стюардессу в Узбекистан.

У вернувшегося после отдыха Марлена дочка спрашивает: “Что за лекарство вы прислали бабуле?” — “А в чем дело?” — удивленно говорит он. “Это же лекарство беременным, для развития плода”, — хихикает дочка.

Потом Марлен выясняет у докторов, что старушке было прописано другое лекарство — АТФ.

35

После этого случая старуха заметно исправила свое произношение.

Он только что вспоминал мать Махсума Рахиму-опа. Все ее называли просто — “апа”. “Апа” таила в душе некую мечту, которой она так и не достигла. Людская молва утверждала, что с возрастом желание это усиливалось, вот она и пристрастилась к выпивке. Выпив же, она затихала — не скандалила, не буянила, а лезла, слюняво улыбаясь, целоваться с первым попавшимся, только и всего. Иногда слюни смешивались со слезами, она, невнятно что-то бормоча, всхлипывая, плакала...

36

Поговаривали, что в тот период и Махсум выпивал вместе с матерью. Кто его знает... Молва также гласила, что, изрядно приняв, он отправлялся к родственникам и, не заходя к ним в дом, с порога, покачиваясь, материл их на чем свет стоит, крыл от дедов до детей.

Марлен не очень-то верил таким сведениям о Махсуме. Хотя бог его знает.

37

Мысли путаются.

Почему он так привязался к Махсуму? Всю жизнь он прожил никому не доверяя, ни с кем не

дружил, делал все по-своему. Любое дело исполнял сам, чужое его не удовлетворяло. Чинил школьные туфельки Клары, подбивал каблуки на сапожках жены. Когда купили новое пианино для Клары, понадобилось его настроить. Даже тогда, сказав: “Зачем нам мастера звать? Ты, дочка, нажимай на клавиши и следи за звучанием, а я подтяну регистры”, — он открыл для себя пианино, выводящее тысячи звуков европейской музыки. А как вышел на пенсию, почувствовал свое одиночество. Оказалось, кроме жены и дочери, рядом никого нет. Как на безлюдном острове живет. Но он не обращал на это внимания. Может, так оно и лучше, думал он, не будут мне морочить голову всякими проблемами, главное — покой.

Почему он так тоскует по Махсуму?..

38

Когда-то у Марлена было два друга. Один — армянин Вазген, другой — еврей Мося. Армянин был автослесарем, сто шестьдесят килограммов весил, еврей — тощий как щепка портной. Высокий как жердь, он не снимал с головы широкополую шляпу, похожую на крышку казана.

У Марлена был старый “москвич”, стоило ему забарахлить, как тут же его чинил Вазген. Мося же считался ответственным за то, как они выглядят, — обшивал и одевал, как куколок, и его, и жену, и Клару. Для женщин по их выбору делал выкройки и шил самые модные фасоны из журналов “Крестьянка”, “Работница” и “Саодат”.

Вазген любил бочками пить пиво, Мося страдал поносом. Но оба были его настоящими друзьями.

39

Ну и что, что понбосил! Мося свою болезнь ни от кого не скрывал. Более того, гордился ею. Как он рассказывал, во время войны, в самый разгар боя, у него схватило живот. Он еле успел вылезти из укрытия, отбежать шагов на тридцать и спустить галифе.... В этот самый момент в укрытие угодил снаряд, и от целого взвода ничего не осталось. “Понос спас мне жизнь”, — говаривал бедный Мося.

40

То, что Вазген любил выпить, тоже однажды сыграло спасительную роль. Об этом он рассказал как-то раз, когда они втроем поехали рыбачить.

Первая жена Вазгена оказалась гулящей. Когда он засомневался в ее порядочности, то начал исподтишка следить за ней. Сначала выясняет, кто чаще всего приходит к ним в гости. Оказалось, что под разными предлогами к ним зачастил свояк, — бывает чуть ли не каждый день. Однажды Вазген решается испытать их. Что, думаете, делает? Как следует спаивает и сам изрядно напивается с ними. Затем прикидывается спьяну заснувшим. Эти двое сначала шепотом болтают, потом потихоньку переходят к делу — начинают заниматься любовью. Вазген все слышит и решает прикончить обоих, выждав накала их страсти, но ненароком засыпает. Проходит изрядное время, пока он просыпается: далеко за полночь, во дворе лает собака, ворота не заперты. Он проходит в спальню, жена спит непробудным сном. С криком “Убью!” он бросается в кухню за ножом, но спьяну спотыкается о кровать и падает на пол. Тут он приходит в себя, встает, отряхивается и навсегда уходит из дома, бросив мерзкую жену. Исчезает из ее жизни.

“Если бы я тогда убил жену, то сейчас гнил бы в тюрьме”, — рассказывал несчастный армянин, немного поддав.

41

Оба его друга тоже давно умерли. Больше Марлен ни с кем не подружился, исключая Махсума. Хотя Махсума нельзя назвать другом. Где это видано, чтобы сват был другом?..

42

За два-три года до отъезда за границу Клара неожиданно решила развестись с Абдуманнабом. “Мне такой рохля не нужен! — заявила она в гневе. — Он ни на что не способен! Даже об обязанностях мужа давно не помнит...”

Марлен тогда не стал спорить с дочкой и зятю ничего не сказал, а молча ушел в свою комнату и целых три часа писал письмо свату. Чтобы вышло толково, начал писать по-русски, но, дойдя до середины письма, вспомнил, что сват не силен в русском языке. Тогда он достал с полки пылившийся Русско-узбекский словарь и принялся переводить написанное на не очень ему знакомый литературный узбекский язык. Письмо, очевидно, вышло корявое, если не сказать смешное. В те времена узбекский язык практически не использовался в служебной переписке, и Марлен, как ответственный работник имевший дело в основном с русскими, не владел родным эпистолярным. Поэтому письмо получилось пространное и заняло целых пять страниц. Оно начиналось так:

“Уважаемый сват! В первых строках своего письма разрешите мне выразить вам мое уважение. Я всегда предполагал наши отношения глубоко чтимыми, пока не возникла данная известная проблема и не нарушила их. Слушайте, вы, я должен отметить, что между молодыми существует два, как птенчики, ребенка. Я, имейте в виду, способен их прокормить и воспитать как достойных граждан своего отечества, однако в таком случае взаимные отношения между нами будут порваны окончательно и бесповоротно...”

Далее Марлен изложил свою мысль по пунктам, а в конце в виде резюме приложил заключение, напоминающее решение бюро. На следующий день отправился в дом свата. На звонок первой выскочила и просунула в дверь голову Рахима-опа. Он сунул ей письмо, не обращая внимания на ее слюняво-слащавое: “Заходите, сват, будьте гостем, разопьем бутылочку”, — и, сославшись на дела, поспешно ретировался.

43

Как сказано в поговорке, муж и жена — одна сатана. Через пару дней между молодыми ссоры как не бывало — помирились и стали жить опять душа в душу. И за границу они отправились как дружная семья. Сват же ни разу не напомнил о том письме.

И вот теперь Марлен, когда остался на белом свете один, не раз с сожалением думал о том злосчастном письме, и ему становилось стыдно за себя.

44

Если подумать, Марлен теперь о многом сожалел. И это письмо, написанное свату стгоряча, когда дочь вздумала развестись, было еще не самым худшим из его поступков. Помнится, в тот период он пытался устроить дочку на службу в пожарную команду. Уговаривал: “Сама

сможешь прокормить детей, работа будет состоять всего-то: „Але, ноль один слушает”, — и все! Звание офицерское дадут, зарплата будет соответствующая, а пенсия какая!” Клара, слушавшая его с презрением, наконец вспылила: “Пенсия, говоришь?! Сам ты на эту поганую пенсию многое имеешь?! Прямо скажи, многое имеешь?!” — и, хлопнув дверью, ушла.

45

Почему-то стало колоть сердце. Это не было похоже на боль, отдающуюся в груди, когда схватывало желудок. Похоже, и вправду болит сердце.

Старик попробовал полежать на животе. Боль не утихла. Лег на спину, положив руку на грудь, помассировал. Не прошло. Щемя, горяча, болело уставшее сердце. Никак не хотело отпустить.

На здоровье Марлен стал жаловаться жене и дочке сразу же, как только ушел на пенсию. Даже как-то раз, посадив их напротив себя, эдак прощально, сказал: “Стар я уже, того и гляди, не сегодня завтра умру”. Он и потом не раз сетовал на здоровье.

Жаловался он и Махсуму, что ни день, когда они остались вдвоем: “Смотрите, как опухли мои колени! Видно, недолго мне осталось, так что готовьтесь”. На что сват шуточно отвечал: “Как бы вам не пришлось простудиться на моих похоронах...” Вот и сбылась его шутка.

46

Сердце не переставало болеть. Память неустанно подгоняла неприятные воспоминания, а сердце, будто не вмоготу их было пропускать через себя, трепыхалось, ныло.

На следующий день после того, как Клара отказалась поступить в пожарную команду и ушла, хлопнув дверью, Марлен пригласил к себе зятя. Посадив напротив себя этого сдержанного парня, он долго и нудно поучал его: “Ты что, не можешь разъяснить жене, как надо себя вести?! Надо быть потверже в этой жизни! Жена должна слушаться мужа! Жена прежде всего — раб в доме...” Зять, всегда почтительно молча выслушивавший нравоучения тестя, на этот раз, надо же, довольно резко ответил: “Папа, прежде всего человек не должен становиться рабом своих заблуждений!” По правде говоря, Марлен не очень-то понял смысл этих слов. Но в мозгу у него будто что-то вспыхнуло, как это бывает при коротком замыкании, и он, ударив по столу кулаком, гаркнул: “Слушай, ты меня не серди!..”

Теперь, вспоминая этот случай, старик искренне переживал.

47

Называешь себя стариком, а ведь раньше стариками считались белобородые старцы. У нынешних стариков трудно определить возраст: какими были в сорок лет, почти такими выглядят и в шестьдесят-семьдесят лет — не стареют, а устаревают, затаскиваются, вот и все. Они не соответствуют подобающему их летам виду, гладенькие, ухоженные, как в маске Фантомаса. Даже стыдно называть себя стариком.

48

Не совершаешь омовения, не читаешь намаз, не держишь пост, не ходишь в мечеть. Поиски правды состоят в ловле радиоволн Би-би-си и “Свободы”, которой занимаешься, уйдя в свою комнату. Но, разочаровавшись их приторной, малограмотной, как твой узбекский, речью,

называешь одного ведущего недоученным грамотеем, другого близоруким святошей, третьего рупором, прибитым к столбу, и выключаешь, не дослушав, однако назавтра, боясь пропустить новость, опять крутишь ушко радиолы. И это называется зрелость, которой ты достиг?!

Или таким достигшим зрелости был Махсум?..

49

Он тоже, тряся бородкой, слушал в своей комнате по своему радио те самые “голоса врагов”. “Сват, вы слышали, Сабитхан-кори до сих пор читает проповеди, или это раньше было записано?” — “Конечно, многие передачи готовятся заранее, проходят через сотни проверяющих, потом только подаются в эфир. Какой же вы наивный! И чего вы так возносите этого Сабитхана-кори, ведь он вам в сыновья годится, а вы его за отца родного почитаете... Вы бы хоть возраст свой уважали, сват!” — отчитывал его Марлен. Сват же примирительным тоном говорил: “Так я все думаю, что дело не в возрасте, а в голове”.

50

В такие минуты Марлен выходил из себя и начинал горячиться, употребляя в своей речи русские выражения: “Ну что вы, черт побери! К чему такие разговоры? Ишь вы, возраст-голова... Знаете, в армии существует дедовщина! В жизни точно так же! Подумать только — „не в возрасте, а в голове”. Хм!” От таких нападков Махсум тоже ершисто отбивался: “Да бросьте вы! Мы с вами тоже идем на поводу у молодых, сидим тут как попрошайки!” После этих слов Марлен в сердцах махал рукой, удалялся в свою комнату и в течение двух-трех дней не разговаривал с Махсумом. Потом возникали проблемы, связанные с какими-нибудь мероприятиями в махалле, надо было что-то организовать или куда-нибудь пойти, и размолвка сглаживалась, сваты мирились, забывали о сказанном и вновь принимались обсуждать услышанное по Би-би-си и “Свободе”.

51

Разве раньше старики были другие? Прежде Марлен думал, что в старости человеку, должно быть, стыдно вспоминать детство. Но теперь стоит закрыть глаза, как всплывают события шестидесятилетней-шестидесятипятилетней давности. Помнится, в их дворе напротив базара прибывали к колу лошадей киргизы, спустившиеся с гор, и маленький Марлен показывал им дорогу на базар. За воротами, если пройти немного, на берегу горной речки можно было увидеть кузницу Касыма. Он чинил старые кетмени, ковал подковы, всегда был при деле, а в кузнице горел огонь, шумно надуваемый мехами, и молот его неустанно бился о наковальню... Если подумать, казавшийся тогда старым Касым-кузнец был приблизительно в годах этого выскочки Сабитхана-кори.

Неподалеку от кузницы располагалась электростанция, выстроенная колхозом. Вода сая, спускавшаяся меж крутых берегов, была направлена на эту станцию. Выходя из турбин, вода вновь бежала в сай. Если пройти через мост, то можно выйти к улочке, ведущей к кладбищу, в начале улицы стояла невзрачная кибитка часовщика Сатима-хромого. Все имевшиеся в округе часы прошли через его руки.

Он вспоминал о стариках...

52

От бессонницы у него болела голова. Небо уже начинало светлеть. Беспорядочные воспоминания сменились ясной бодростью. Раньше, чтобы почистить стекло керосиновой лампы, в нее дули, и стекло покрывалось испариной, и когда его протирали изнутри, оно становилось прозрачным. Так и у него, как протертое стекло, прояснилась голова.

На этот раз колющая боль пронзила не сердце, а всю грудь. Махсум тоже отдал богу душу в тисках такой боли.

53

В этот миг Марлен почему-то вспомнил жену. Закия, да благословит ее Аллах, была, в сущности, покладистой женщиной. Марлен мог ее выругать, не гнушался дать и пощечину. Но, если подумать, он, оказывается, строго следовал по начертанному ею пути. Закия словно капля: то с одной стороны капнет, то с другой, то еще откуда-нибудь, и вот, казалось бы, все забылось, но тут — еще одна капля. Глядишь, а в голове уже созрели какие-то планы. Думаешь, что все сделал сам, а теперь если подумать и взвесить, то становится ясно, насколько все умело устраивала жена. Она будто паутиной окутала все его бывшее существование. Какое там паутиной — как кокон шелкопряда, она оградила мужа от всего мира. Может быть, поэтому Марлен так тоскует по Махсуму?..

54

Он попытался освободиться от обмотавшейся вокруг его тела простыни и ударился головой о край кровати. То ли он вспотел, то ли окровавил голову, он не смог разглядеть в утренней полутьме упавшую на ладонь каплю.

Завтра буду поумнее, завтра чего-нибудь добьюсь, думает всю жизнь человек и стремится к чему-то. Однако жизнь однообразно утекает, тело старится, а дух не меняется: каким ты был в три года, таким и в семьдесят три остаешься — ненасытным к жизни. Любопытно, за чем следит дух? За твоими бесполезными усилиями? За ложью и грезами? Возможно, следит за твоими слабостями и грехами?..

55

Мир будто бы отторгнул серьезность. Все в нем кажется фальшивым, искусственным. У пустоголовых стариков нет на лице растительности, а приходившая к Махсуму молодежь отпускала бороду, чуть ли не с лопату, от чего лица их становились с ладошку. Похоронами Махсума тоже руководили они, поучая махаллю: сделайте так, сделайте эдак. А те, с затасканными лицами, называвшие себя стариками, толпясь, влезли в один автобус, потом рядком проследовали на кладбище, а с рассветом выстроились в очередь за поминальным пловом.

Не сорвалась ли земля с собственной оси?

56

На днях, возвращаясь из поликлиники, он зашел в парикмахерскую, а там парнишка, глядя в зеркало, выщипывает себе брови. Он тут же указал на кресло, приглашая сесть. Усадив, спрашивает по-русски: “Ну что, старик, как тебя стричь будем?” На вопрос: “Ты узбек, сынок?”

— отвечает: “Да, а что?” Выругать бы этого нахала... так у него в руках бритва, а смолчать — сердце от гнева горло душит... Как только бритва коснулась головы, прыснула кровь.

Не эту ли ранку он задел, стукнувшись о кровать?

57

У Марлена в этом мире никого нет. А после смерти Махсума — совсем одинок.

Однажды ему приснился отец. “Саидасрор, сынок, не приедешь ли разок в Турцию? — говорит он. — Морской воздух здесь такой чистый, что если даже сто лет проживешь, будешь молодым. Если приедешь, принесу тебе из мечети сладости...”

То ли осознавая свою старость, то ли чувствуя, что вернулся в детство, хоть ему и семьдесят три, то ли от суматошности этого сна Марлену почему-то все хотелось заплакать, но слезы на глаза не шли...

58

Проснувшись, он долго лежал в задумчивости. Хотел истолковать свой сон. Неужели отец до сих пор жив? Знавший его местонахождение Солихон-тура давно уже покинул этот мир. Где же он теперь найдет отца? Даже если найдет, на какие-такие средства поедет? Допустим, даже нашел деньги, но что он там будет делать, чем объяснит свой визит?.. Это будет скорее похоже на поездку Махсума в паломничество в святую Мекку — неосуществимую мечту! Махсум очень хотел поехать в Мекку: однажды даже справил документы, но не было денег, а когда нашел деньги в долг, то заболел, так и не поехал. Ему ничего не оставалось, как вернуть деньги предприимчивой молодежи. Паломничество отодвинулось до Судного дня.

59

Когда дети собрались ехать за границу, они оставили старикам двух крошечных птичек в клетке. Одна красненькая, другая желтая. В тесной клетке они начинали вытеснять друг друга, летали, широко раскрыв клювики, кричали, особенно не давала житья желтой красная птичка, куда бы та ни села — подлетала, прогоняла с насеста. Порой загнанная желтая птичка пыжилась, точила клюв о хворостинку и нападала на красную, не подпускала к кормушке, пока сама не насытится.

Старики иногда закрывали двери и окна и выпускали птичек на волю. Разучившиеся летать птички вне клетки жались друг к другу, вздрагивали от любого шума, потом, взлетев на большой горшок с геранью, прятались под куполом цветка. Но и там красная птичка вытесняла желтую, подталкивая, будто спрашивая: “Чего не летишь?” — и прогоняла к занавеске, сама же, затаившись под листьями, следила за неуклюжими движениями собирающейся вспорхнуть птички. Затем они, помирившись, разглядывали летающих за окном птиц, иногда и сами распахивали крылья, будто собираясь полететь в бесконечность неба. Марлен, завороченный их действиями, вдруг вспоминал детство и, как тогда, вскрикивал: “Гляди, как зазевались, кыш, а то кошка схватит!” Махсум же, погладив бороду, произносил: “Смилуйся Аллах!” Потом они долго смеялись.

Теперь ему думалось, эти птички чем-то были похожи на них.

60

Обе птички были самцами. Неизвестно, что случилось, но желтая птичка заболела. Бедная тут же полиняла, опали перья с шеи и ног. Глаза заволокло пеленой, она еле дышала. Махсум взял птичку на ладонь, погладил, нежно помассировал, дал водички. Но это никак не помогло, к вечеру птичка скончалась.

Вначале красная перелетала с насеста на насест. Затем, цепляясь за стенки клетки, стала беспокойно озираться по сторонам, высматривая другую. Взъерошенно засыпавшая обычно чуть ли не в шесть часов, в этот день она не затихала до полуночи.

Когда, проснувшись утром, старики взглянули в клетку, то увидели, что корм был рассыпан, вода вылита. Человек способен скрыть свои чувства, но следить за этим беспомощным существом, метавшимся с места на место, не находя себе покоя, было тяжело.

61

Красная птичка недолго прожила в одиночестве.

Марлену вспомнился случай из молодости: тесть дарит зятю и дочке одинаковые часы, говоря: “Носите и будьте всегда вместе”. Происходит нечто — и Закия теряет свои часы. В тот же день часы на руке Марлена встают. Кому он только не показывает их — и часовщику Сатиму в кишлаке, и городским часовщикам, никто не может их починить. Все мастера обещают: “Починим!” Но стрелки часов — хоть бы сдвинулись!

Старики и красноперого похоронили на площадке за домом под шумящими тополями — рядом с желтоперым.

62

После того как Махсума предали земле, Марлен почувствовал себя точно так же, как та птичка. Он не дал заметить свое состояние окружающим, но, оставшись один, плакал долго, навзрыд, обливаясь слезами. Было невыносимо горько, сердце трепыхалось, как птичка взаперти, готовое вырваться из грудной клетки. А его стойкий дух, этот зоркий страж, следивший за ним неустанно, поносил его: “Нет, ты горюешь и плачешь не из-за Махсума, а потому, что обречен теперь на одиночество”.

Вот сколько тоски может уместить это маленькое сердце!

63

.....

64

У кого-то из соседей включили радио. Вот и утро наступило. Марлен заметил на подушке коричневое пятно крови.

В последнее время от нечего делать Махсум принялся писать книгу. “Про что она?” — спросил Марлен. “Так, история”, — отделался Махсум. “Да бросьте вы! Вы что, историк? Образования никакого!” — скептически проворчал Марлен. Теперь-то он понимал, что Махсум тогда занялся этим не из прихоти, а ради потребности. На самом деле каждый человек — историк, но не решается заняться этим делом, боясь заглянуть в себя, оглядеться вокруг и оглянуться на прошлое.

Интересно, где теперь лежит рукопись — шестьдесят-семьдесят страниц, исписанных его

корявым почерком? О чем он там писал?

65

Даже на обрывочные мысли не хватает дыхания. Марлену стало тоскливо. Ах, как тоскливо!

В детстве он взбирался на крышу Суворовского училища и следил за закатом. Тогда он замыслил в один прекрасный день на собственной машине выехать на бесконечные просторы степей и посидеть в одиночестве, наблюдая за заходом солнца. К сожалению, и на это не нашлось времени...

66

Прошла еще одна ночь его бытия. О чем это он думал? Обрывочные воспоминания, пейзажи, люди... Вставать нет смысла — все равно некуда идти, некому излить душу. Сила тоже иссякает... Никому не приведи остаться одному, зависеть только от самого себя... Когда он впервые переступил порог Суворовского училища, всех новобранцев собрали в одной комнате и независимо от того, кто во что был одет, раздели и облачили в одинаковую форму. Саидасрор тогда невольно растерялся: “Кто же я такой? Кто из них я?” Только теперь Марлен почувствовал всем сердцем, насколько прекрасно было жить гурьбой. Может быть, именно поэтому Махсум водился с этими никчемными бородачами... Интересно, где они сейчас? Жаль, что Махсума нет в живых, он бы узнал у него...

67

Должно быть, сегодня воскресенье. День стирки. Уже три недели лежит в углу узел грязного белья. Наверное, и цветы в палисаднике возле дома увяли. Уже много дней он не смотрел за ними. Он спорил с Махсумом из-за этих цветов тоже. “Листья нужно обрывать не руками, а срезать ножницами. Вон в прошлом году вы так пообломали цветы, что они до сих пор не могут оклематься...” — “Я сделал так, как было написано в газете, откуда же мне знать...” — “Мало ли что там пишут!” — “Но вы же и сами читаете ее от корки до корки?..” — “Ну и что? Мало ли чего я делаю...”

68

А вообще-то, в этом мире, оказывается, нет такой вещи, ради которой стоило бы спорить. Эх, жизнь прожитая! Эх, прожитые жизни!..

Помнится, однажды Махсум прочитал притчу Шейха Саади: “Осленок в поисках утраченного хвоста лишился двух своих ушей...” Они и по поводу этой притчи долго спорили. Теперь-то он понимал, что в притче этой поведано о тех самых ненужных, пустых спорах! Обо всех заблудших и обманутых жизнях...

69

Хорошо, что рядом с ним нет ни одной живой души, что его ничто не связывает с жизнью. Что нет человека, который мог бы увидеть это его — как назвали бы его отец или его старшина — “свинское существование”. Усталость повергла всё: и мечты, и боязнь, и гордость, и стыд. Он устал от всего, ему все надоело. В бессилии он свободен теперь от всего. Вместе с сердцем у

него болела и голова, теперь и это не стало иметь никакого значения. Еще немного тишины, и...

70

.....

71

Не ко времени хочется спать... Что же теперь будет с режимом дня...

72

Он на мгновение заснул. В полудремотном, полубессознательном состоянии так сильно сдавило грудь, что ребра сломались, и из грудной клетки, как красноперая птичка, вылетело трепещущее сердце и на глазах Саидасрора, восторженно глядевшего в пустое пространство, полетело на площадку за домом и село на тополь, шумевший в алой заре.

“У дверей рая стоит дерево, само огромное, листья желтые...”

А сознание Саидасрора заняло одно необычное воспоминание из детства: “Эй, сидящая на тополе певчая птичка, как ни старайся, тебе не перелететь в мои чистые мысли о тебе, я — сам по себе, ты — сама по себе...”

73

Из соседского радиоприемника неслась, под стать солнечному накалу, восточная классическая песня:

О Машраб, коль ты влюблен — то не будь невежей,
Поскольку никак не проснуться из этого сна забытья...

Опубликовано в журнале: «Новый Мир» 2009, №11

Перевели с узбекского Рано Азимова и Вадим Муратханов

Азимова Рано родилась в Наманганской обл. Узбекистана. Закончила факультет журналистики Ташкентского государственного университета. Лауреат международного конкурса за лучший перевод с национального языка на русский. Живет в Ташкенте.

Муратханов Вадим родился в 1974 году в г. Фрунзе. Поэт, переводчик, критик. Постоянный автор журнала. Живет в Подмосковье.

Исмаилов Хамид родился в 1954 году в г. Токмак (Кыргызстан). Закончил Багратионовское военное училище. Автор нескольких поэтических книг. Как прозаик печатался в журналах "Знамя", "Дружба народов" и др. В "Новом мире" публикуется впервые. В настоящее время живет в Лондоне.